

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Решение
именем Латвийской Республики
по делу № 2014-09-01
Рига, 28 ноября 2014 года

Конституционный суд Латвийской Республики в следующем составе: председатель судебного заседания Алдис Лавиньш, судьи Каспарс Балодис, Кристине Крума, Гунарс Кусиньш, Улдис Кинис и Санита Осипова,

в связи с конституционной жалобой, которую подало SIA HIPOTĒKU BANKAS NEKUSTAMĀ ĪPAŠUMA AĢENTŪRA (общество с ограниченной ответственностью «Агентство недвижимого имущества банка Hipotēku Banka»),

с участием уполномоченных представителей подателя конституционной жалобы адвокатов Мартиньша Альенса, Угиса Зелтиньша и Арниса Эшенвалдса,

уполномоченного представителя органа, издавшего оспоренный акт, – Сазьмы (Парламента Латвийской Республики) – юридического советника Юридического бюро Сазьмы Дайны Осе,

с секретарем судебного заседания Элиной Курсишей,

на основании статьи 85 Конституции Латвийской Республики, пункта 1 статьи 16 и пункта 11 части первой статьи 17 Закона о Конституционном суде,

в Риге на открытом судебном заседании 21 и 29 октября 2014 года рассмотрел дело

«О соответствии части первой статьи 495 Гражданского процессуального закона первому предложению статьи 92 Конституции Латвийской Республики».

Констатирующая часть

1. Сазьма 14 октября 1998 года приняла Гражданский процессуальный закон (Закон о гражданском процессе), который вступил в силу 1 марта 1999 года. Часть первая статьи 495 закона предусматривает, что вопрос о подведомственности спора решает непосредственно сам третейский суд, даже в случаях, когда какая-либо из сторон оспаривает наличие или действительность третейского соглашения (далее – «оспариваемая норма» или «оспоренная норма»). Согласно оспариваемой норме, сам третейский суд разрешает вопрос о том, подлежит ли спор рассмотрению в третейском суде (далее – «принцип компетенции третейского суда»).

Оспариваемая норма не изменялась и по-прежнему действует в первоначальной редакции.

2. SIA HIPOTĒKU BANKAS NEKUSTAMĀ ĪPAŠUMA AĢENTŪRA (с 1 октября 2014 года – SIA Hiponia) (далее – «Заявитель») обратилось к Конституционному суду с просьбой об оценке соответствия оспариваемой нормы первому предложению статьи 92 Сатверсме (Конституция Латвийской Республики, далее – «Конституция»).

Заявитель являлся ответчиком по двум процессам в Латвийском третейском суде. Однако Латвийский третейский суд, по утверждению Заявителя, не был вправе разбирать дела, возбужденные в отношении Заявителя, так как спор не подлежал рассмотрению в Латвийском третейском суде. Имеется в виду, что соглашение от 20 декабря 2011 года, на основании которого третейский суд признал дела подведомственными ему, следует, по мнению Заявителя, признать поддельным документом, так как упомянутого соглашения Заявитель не заключал.

В процессе третейского суда Заявитель просил Латвийский третейский суд истребовать оригинал соглашения от 20 декабря 2011 года и назначить его экспертизу. Однако третейский суд отклонил эту просьбу.

С просьбой о признании третейского соглашения недействительным Заявитель обратился в суд общей юрисдикции. Однако суд общей юрисдикции признал, что действительность третейского соглашения не может быть предметом рассмотрения в суде общей юрисдикции, за исключением предусмотренных законом случаев. Департамент по гражданским делам Верховного суда также признал такой вывод обоснованным. Таким образом, оспариваемая норма ограничивает основные права лица, поскольку лишает его возможности оспорить в суде общей юрисдикции действительность третейского соглашения даже в случае, если существуют обоснованные подозрения насчет его поддельности.

Сомнения в том, что заключенное в оспариваемой норме ограничение основных прав было установлено законом, отсутствуют. Ограничение основных прав также имеет легитимную цель – обеспечить быстрое разрешение спора. В оспариваемой норме содержится признанный на международном уровне принцип компетенции третейского суда, согласно которому третейский суд сам решает вопрос о подведомственности спора. Однако, запретив оспаривание компетенции третейского суда в суде общей юрисдикции, законодатель избрал не то средство, которое бы ограничивало права лица наиболее щадящим возможным образом.

Принцип компетенции третейского суда нельзя понимать таким образом, что он наделяет третейский суд эксклюзивным правом решать вопрос о том, подлежит ли спор разрешению в третейском суде. Этот принцип связан с идеей, что третейский суд может принимать решения, которые являются справедливыми и защищают интересы участников спора. Однако истинная цель этого принципа состоит не в том, чтобы оставить вопрос подведомственности спора только и единственно в ведении третейского суда. Иными словами, принцип компетенции третейского суда не только не

исключает права лица на обращение в суд общей юрисдикции, но и, напротив, содержит такое право в себе.

Польза, получаемая обществом от быстрого процесса третейского суда, не может перевесить ущерб, наносимый правам индивидуума. Оспариваемая норма создает не только ситуацию, в которой лицу в вынужденном порядке приходится смириться с рассмотрением спора в третейском суде, но и возможность недобросовестного использования института третейского суда.

Заявитель также указывает, что регулирование Гражданского процессуального закона о выдаче исполнительного листа в связи с решением третейского суда не обеспечивает эффективную защиту основных прав лица. Имеется в виду, что на стадии выдачи исполнительного листа в обязанности суда общей юрисдикции входит проверка только на предмет того, не имеется ли какого-либо из установленных частью первой статьи 536 Гражданского процессуального закона оснований для отказа в выдаче исполнительного листа. В эту проверку не входит оценка действительности третейского соглашения – согласно пункту 3 части первой статьи 536 Гражданского процессуального закона, одним из возможных оснований, по которому судья может отказать в выдаче исполнительного листа, является то, что «третейское соглашение было в установленном законом порядке отменено или признано недействительным».

Таким образом, в выдаче исполнительного листа может быть отказано, если третейское соглашение уже было отменено или признано недействительным, однако судья не может рассмотреть этот вопрос при принятии решения по заявлению о выдаче исполнительного листа на исполнение постановления третейского суда.

Заявитель согласен с мнением Сазымы, что возможность оспорить третейское соглашение в суде общей юрисдикции в отдельных случаях может быть использована злонамеренно, например, для того, чтобы затянуть процесс третейского суда или исполнение решения третейского суда. Тем не менее, это обстоятельство не оправдывает правовое регулирование, которое лишает лицо права оспорить в суде общей юрисдикции существование или

действительность третейского соглашения. Законодатель имеет возможность предотвратить недобросовестное использование права на оспаривание третейского соглашения в суде общей юрисдикции. Например, в закон можно включить специальное правовое регулирование, согласно которому решение третейского суда о том, подлежит ли спор рассмотрению в третейском суде, может подвергаться контролю со стороны суда общей юрисдикции.

Дополнительно в судебном заседании уполномоченный представитель Заявителя присяжный адвокат Мартиньш Альенс указал, что источником принципа компетенции третейского суда является не соглашение сторон, а национальный или международный закон. То, что третейский суд первым решает вопрос о собственной компетенции, вытекает не из третейского соглашения, а из правовой нормы, цель которой – обеспечить беспрепятственность процесса третейского суда.

Принцип компетенции третейского суда не исключает возможность, что и суд общей юрисдикции также будет разрешать вопрос о подведомственности спора. Напротив – упомянутый принцип означает лишь то, что третейский суд имеет преимущество в решении вопроса о том, подлежит ли спор рассмотрению в третейском суде.

Регулирование Гражданского процессуального закона, относящееся к выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, не приспособлено для того, чтобы судья мог полноценно и объективно оценить действительность третейского соглашения. Стороны по этому процессу не имеют возможности использовать все разрешенные законом средства доказывания, например, свидетельские показания.

В компетенции законодателя находится принятие правового регулирования, которое бы как можно меньше влияло на эффективность процесса третейского суда. В законе возможно предусмотреть специальный порядок оспаривания третейского соглашения. Соответствующие дела могли бы, например, рассматриваться в суде апелляционной инстанции, постановление которого было бы окончательным или же подлежащим обжалованию только в кассационной инстанции.

Из принципа компетенции третейского суда не вытекает то, что вопрос о подведомственности спора входит только в эксклюзивную компетенцию третейского суда. Третейский суд имеет преимущество при решении вопроса о подведомственности спора, однако третейский суд не может быть единственным учреждением, решающим этот вопрос. Государство обязано обеспечить лицу право на оспаривание в суде общей юрисдикции решения третейского суда о подведомственности спора. Если оспаривается третейское соглашение, имеет место спор о том, действительно ли лицо отказалось от своего права на то, чтобы дело было рассмотрено в суде общей юрисдикции.

3. Орган, издавший оспариваемый акт, – Сазэйма – считает, что оспариваемая норма соответствует первому предложению статьи 92 Конституции.

Право на справедливый суд по своей сути обеспечивается и в процессе третейского суда, и этот процесс является одним из способов, которыми лицо может защитить свои ущемленные права или законные интересы.

Право лица выбрать разрешение спора в третейском суде вытекает из принципа диспозитивности. Это значит, что лицо может отказаться не только от судебной защиты, но и вообще от любой формы правовой защиты. Если лицо, изъявляя свою свободную волю, отказывается от защиты своих субъективных прав в суде и выбирает иную допускаемую законом форму правовой защиты, например, третейский суд, нельзя констатировать ограничение основных прав, закрепленных статьей 92 Конституции.

Сазэйма согласна с Заявителем в том, что оспариваемая норма предусматривает принцип компетенции третейского суда. Этот принцип означает, что третейский суд имеет право самостоятельно решить, подлежит ли спор рассмотрению в третейском суде. Оспариваемая норма направлена на снижение загруженности судов общей юрисдикции, ограничение возможности сторон препятствовать процессу третейского суда и обеспечение быстрого разрешения спора между сторонами. Эта норма защищает право других лиц на

справедливый суд, так как обеспечивает более скорое и эффективное рассмотрение споров.

Оспариваемая норма подходит для достижения легитимной цели, так как четко предусматривает: обращение в суд общей юрисдикции по вопросу наличия или действительности третейского соглашения недопустимо. Эти вопросы, в соответствии с оспариваемой нормой, решает сам третейский суд. Сазэйма обладает широкой свободой действий при установлении регулирования процесса третейского суда. В свою очередь, суды общей юрисдикции контролируют деятельность третейских судов в процессе выдачи исполнительного листа.

Большая вовлеченность суда общей юрисдикции в контроль за решением третейского суда дала бы лицу возможность использовать такое право злонамеренно и затягивать процесс третейского суда. Кроме того, учитывая скорость судопроизводства в государственном суде всех инстанций, можно ясно понять, что в этом случае было бы утрачено одно из наиболее существенных преимуществ процесса третейского суда – скорость рассмотрения спора. Таким образом, предусмотренная оспариваемой нормой польза для общества от эффективной деятельности третейских судов превосходит ограничения прав отдельных лиц, вызванные этой нормой.

Если оспариваемая норма будет признана не соответствующей первому предложению статьи 92 Конституции, ответчики будут всегда иметь возможность подать в суд общей юрисдикции иск об оспаривании третейского соглашения. Если процесс третейского суда будет приостанавливаться до момента, когда судом общей юрисдикции будет рассмотрен спор о действительности третейского соглашения, будет утрачен смысл процесса третейского суда.

Дополнительно в судебном заседании полномочный представитель Сазэймы Дина Осе указала, что Сазэйма, считаясь с желанием общества для разрешения споров и разногласий использовать альтернативные методы разрешения споров, приняла Закон о третейских судах и Закон о медиации.

Упомянутые законы призваны обеспечивать качественное разрешение каждого спора.

Закон о третейских судах предусматривает особые условия формирования третейского суда и улучшения качества процесса третейского суда. От лица, желающего исполнять обязанности третейского судьи, законодатель требует безупречной репутации, высшего профессионального или академического образования, квалификации юриста и наличия по крайней мере трехлетнего опыта практической работы в составе академического персонала высшего учебного заведения со специализацией в правоведении или на другой должности юридической специальности.

В процессе принятия Закона о третейских судах в Юридической комиссии Саэймы имели место дискуссии о принципе компетенции третейского суда. Все участники дискуссий согласились с тем, что существующий порядок, предусматривающий контроль за компетенцией третейского суда на стадии выдачи исполнительного листа, достаточен для обеспечения справедливого результата.

Если бы суд общей юрисдикции имел право принимать решение о действительности третейского соглашения после того, как решение по этому вопросу уже принял сам третейский суд, участник спора оказывался бы вовлеченным одновременно в два судопроизводственных процесса. В связи с этим возникла бы правовая неясность и возможность затянуть исполнение решения третейского суда.

Контроль за третейскими судами в суде общей юрисдикции сконцентрирован на стадии выдачи исполнительного листа, которая наступает после того, как в процессе третейского суда дело уже было рассмотрено по существу и необходимо принудительное исполнение соответствующего постановления. На этой стадии судопроизводства осуществляется проверка правомерности процесса третейского суда, среди прочего также независимости и объективности третейского суда. Судья при выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда также вправе оценить, действительно ли третейское соглашение.

Ссылаясь на данные статистики, представитель Саэймы указала также на то, что избранный законодателем механизм контроля постановлений третейских судов, который действует на стадии выдачи исполнительного листа, себя оправдал, существенно разгрузив суды общей юрисдикции. В случаях, когда от суда общей юрисдикции требуется оценка качества решения третейского суда, такая оценка дается на стадии выдачи исполнительного листа.

4. Приглашенное лицо – Министерство юстиции – указывает, что оспариваемая норма соответствует первому предложению статьи 92 Конституции.

Одним из преимуществ процесса третейского суда является скорость рассмотрения спора, и основой юрисдикции третейского суда является третейское соглашение. Таким образом, право третейского суда решать вопрос о собственной юрисдикции неразрывно связано также с правом принимать решение о действительности или недействительности третейского соглашения. Если бы существовала возможность рассмотрения вопроса о действительности третейского соглашения в суде общей юрисдикции, лицо могло бы избегать выполнения своих обязательств.

Государство не несет ответственности за нарушения основных прав, допущенные в процессе третейского суда, однако обязано обеспечить средства защиты против нарушений процессуальных прав, допущенных в процессе третейского суда. По этой причине в статье 536 Гражданского процессуального закона определены случаи, в которых суд общей юрисдикции не признает результат процесса третейского суда.

Если какая-либо из сторон в процессе третейского суда выступает с возражениями, указывая на недействительность или возможную поддельность третейского соглашения, третейский суд обязан принять решение в отношении обоснованности высказанных возражений, в том числе в отношении заявленной просьбы о назначении экспертизы. Если суд общей юрисдикции констатирует, что третейский суд не принял решение по заявленной стороной

просьбе о назначении экспертизы, суд общей юрисдикции может решить, не следует ли считать отсутствие решения по упомянутой просьбе нарушением процесса третейского суда, которое может стать основанием для отказа в выдаче исполнительного листа.

Пункт 2 части первой статьи 534 Гражданского процессуального закона предусматривает, что к заявлению на выдачу исполнительного листа должен быть приложен документ, подтверждающий факт письменной договоренности сторон о передаче спора на рассмотрение в третейский суд, или же нотариально заверенный дубликат этого документа. Подача упомянутого документа дает суду возможность убедиться в наличии третейской клаузулы. Если к заявлению не приложен документ, указанный в пункте 2 части первой статьи 534 Гражданского процессуального закона, судья принимает решение оставить заявление без движения и назначает срок для устранения недостатков. Если в установленный срок лицо не подает недостающие документы, судья принимает решение об отказе в принятии заявления и направляет заявление обратно заявителю.

Суд общей юрисдикции при рассмотрении заявления о принудительном исполнении решения третейского суда обязан оценить, не преступил ли третейский суд, вынося постановление, границы собственной компетенции. Если участник дела в соответствии с пунктом 4 части второй статьи 534¹ Гражданского процессуального закона в объяснении указывает, например, на возможную поддельность третейского соглашения, суд общей юрисдикции имеет право запросить у третейского суда необходимые материалы дела или все дело полностью, чтобы проверить наличие обстоятельств, указанных в объяснении. Суд общей юрисдикции также имеет право истребовать оригинал третейского соглашения, чтобы до выдачи исполнительного листа направить это соглашение на экспертизу. Таким образом, действующее регулирование Гражданского процессуального закона предусматривает эффективный механизм контроля над процессом третейского суда в суде общей юрисдикции и обеспечивает лицу право на справедливый суд.

Если имеются обоснованные подозрения насчет преступного деяния, связанного с возможной подделкой соглашения, лицо имеет право подать заявление в следственное учреждение. Часть первая статьи 371 Уголовно-процессуального закона возлагает на процессуально уполномоченное должностное лицо обязанность начать уголовный процесс в рамках собственной компетенции в связи с любой из упомянутых в статье 369 Уголовно-процессуального закона причин. В свою очередь, принятие решения по вопросу о выдаче исполнительного листа в таком случае должно быть приостановлено до момента вступления в силу окончательного постановления по уголовному процессу.

В судебном заседании уполномоченный представитель Министерства юстиции директор Департамента политики судебной системы Инита Илгажа дополнительно указала, что наличие у суда общей юрисдикции права оценивать компетенцию третейского суда привело бы к тому, что процесс третейского суда более не был бы скорым. Имеется в виду, что любой участник процесса третейского суда имел бы возможность обратиться в суд общей юрисдикции с возражениями против действительности третейского соглашения.

Действующее регулирование о контроле за правомерностью решения третейского суда на стадии выдачи исполнительного листа защищает право лица на справедливый суд. Если в процессе третейского суда были допущены существенные процессуальные нарушения, суд применяет пункт 6 части первой статьи 536 Гражданского процессуального закона и отказывает в выдаче исполнительного листа. Если одна из сторон считает, что третейский договор является поддельным, в процессе выдачи исполнительного листа эта сторона может проинформировать суд о соображениях, указывающих на существенные нарушения, допущенные в процессе третейского суда.

Средства доказывания и возможности доказывания в судопроизводственных процессах третейского суда и суда общей юрисдикции существенно не различаются, и оба эти процесса опираются на принцип

состязательности. Таким образом, принятое третейским судом постановление зависит от активности и инициативы каждой из сторон.

Во время разработки Закона о третейских судах многие эксперты указывали на то, что право стороны обратиться в суд общей юрисдикции и оспорить компетенцию третейского суда поставит под угрозу достижение целей процесса третейского суда. Третейский суд более не будет столь быстрым, так как любая сторона будет способна ему воспрепятствовать. По этой причине в Законе о третейских судах сохранено регулирование, содержащееся в оспариваемой норме.

5. Приглашенное лицо – Омбудсмен Латвийской Республики (далее – Омбудсмен) – считает, что оспариваемая норма, в той мере, в какой она не допускает в суде общей юрисдикции судопроизводство по делу о наличии или действительности третейского договора в случае, когда лицо не выражало волю к заключению третейского соглашения, противоречит первому предложению статьи 92 Конституции.

Государство, признавая такие альтернативные способы рассмотрения споров, как третейский суд, должно предъявлять к регулированию деятельности этого суда такие же требования, как к регулированию государственной судебной власти, а именно – объективность суда и справедливость постановления. Механизм, при помощи которого государство контролирует постановления третейских судов, также должен обеспечивать, чтобы государство своими действиями признавало только такой процесс третейского суда, в котором соблюдается справедливость и объективность.

В Латвии решение третейского суда не подлежит обжалованию, и для того, чтобы это решение было исполнено в принудительном порядке, необходимо обращение в суд общей юрисдикции с просьбой о выдаче исполнительного листа. Таким образом, контроль над третейским судом сконцентрирован только на стадии выдачи исполнительного листа.

Омбудсмен подчеркивает, что в правовом регулировании деятельности третейского суда можно констатировать существенные недостатки, которые

допускают несправедливый судопроизводственный процесс. Кроме того, предоставленное суду общей юрисдикции право исправлять ошибки, допущенные третейским судом, является недостаточным.

В судебном заседании уполномоченный представитель Омбудсмента Санта Тиваненкова дополнительно указала, что Бюро Омбудсмента также получает жалобы лиц на деятельность третейских судов. Часто приходится сталкиваться с ситуацией, в которой лицо даже не было в курсе того, что был проведен процесс третейского суда, и узнает об этом лишь тогда, когда в отношении него уже начато взыскание.

Регулирование части первой статьи 536 Гражданского процессуального закона является недостаточным для того, чтобы суды общей юрисдикции были в состоянии контролировать независимость и объективность процесса третейского суда. Это регулирование приводит к тому, что суды общей юрисдикции легализуют решения третейских судов и выдают исполнительные листы даже в тех случаях, когда в процессе третейского суда не был предъявлен оригинал соглашения и не проводилась проверка того, выражали ли стороны свободную волю к заключению такого соглашения. Гражданский процессуальный закон допускает ситуацию, в которой третейский суд выносит решения, лишь формально отвечающие требованиям закона и по сути основанные на недействительных документах. Кроме того, такие решения третейского суда сохраняют свою силу даже тогда, когда суд общей юрисдикции отказывает в выдаче исполнительного листа.

6. Приглашенное лицо – Латвийская торгово-промышленная палата – указывает, что оспариваемая норма соответствует первому предложению статьи 92 Конституции. Третейские суды действуют в сфере частного права, где применим принцип диспозитивности – стороны по договору имеют право самостоятельно выбирать, какими процессуальными средствами они будут защищать свои права.

Третейское соглашение является гражданско-правовым соглашением, на которое распространяются нормы прав человека в отношении

действительности сделок. Таким образом, поддельное третейское соглашение не имеет никакой правовой силы. В свою очередь, третейский суд обязан проверить, действительно ли третейское соглашение. Если третейский суд отказывается оценить вопрос о действительности или возможной поддельности третейского соглашения, лицо в соответствии с Гражданским процессуальным законом вправе защитить свои основные права на стадии выдачи исполнительного листа.

В судебном заседании полномочный представитель Латвийской торгово-промышленной палаты Эдмундс Станкевичс дополнительно указал, что судьи третейских судов должны быть высококвалифицированными юристами, которые добросовестно выполняют свои обязанности и не подчиняются никакому влиянию. Это значит, что в отношении одинаковых фактических и юридических обстоятельств как суд общей юрисдикции, так и третейский суд должны принимать схожие постановления. Судья третейского суда должен быть в состоянии констатировать, что третейское соглашение является поддельным или недействительным по какой-либо иной причине, уже в рамках собственных полномочий, предоставленных ему законом. Таким образом, обращение в суд общей юрисдикции с этим вопросом не является необходимым.

7. Приглашенное лицо – Латвийский третейский суд – указывает, что оспариваемая норма соответствует первому предложению статьи 92 Конституции. В оспариваемой норме заключен принцип компетентности третейского суда, который предусматривает, что сам третейский суд имеет право принимать решение о юрисдикции третейского суда даже в случаях, когда оспаривается наличие или действительность третейского соглашения. В соответствии с этим принципом, третейскому суду не требуется прекращать рассмотрение дела и дожидаться момента, когда суд общей юрисдикции завершит оценку вопроса о подведомственности спора третейскому суду.

Если бы у третейского суда не было права самостоятельно принимать решение о собственной компетенции, у этого суда не было бы и возможности

соблюдения сроков, предусмотренных частью четвертой статьи 493 Гражданского процессуального закона. Кроме того, недобросовестные участники процесса третейского суда получили бы возможность уклониться от предусмотренной законом обязывающей силы третейского соглашения.

В процессе третейского суда применяется принцип свободной оценки доказательств, который предусматривает, что ни одно доказательство не имеет предварительно установленной силы. Третейский суд сам оценивает все имеющиеся в деле доказательства в их взаимосвязи и самостоятельно оценивает также относимость и допустимость доказательств. Любое обстоятельство, имеющее значение в деле, рассматриваемом третейским судом, считается доказанным, если после проверки имеющихся в деле допустимых и относящихся к делу доказательств исключены разумные сомнения в том, что соответствующее обстоятельство не могло быть иным.

8. Приглашенное лицо – доктор юридических наук Инга Качевска – указывает, что в источниках по международному праву третейских судов принцип компетенции третейского суда понимается следующим образом: если какая-либо из сторон оспаривает действительность третейского соглашения, состав третейского суда может не только определить собственную юрисдикцию и продолжить рассмотрение спора, но и вынести решение по существу. Таким образом, третейский суд является первой инстанцией, рассматривающей вопрос о юрисдикции третейского суда. Тем не менее, принцип компетенции третейского суда не лишает стороны права обратиться в суд общей юрисдикции, чтобы оспорить действительность третейского соглашения.

Ситуация, в которой решение третейского суда о его компетенции нельзя оспорить в суде общей юрисдикции, неприемлема. В таком случае стороне не доступно никаких иных средств правовой защиты, которые бы позволили доказать, что третейский суд не имеет юрисдикции. Кроме того, в практике случаи, когда третейский суд отказывается от своей юрисдикции,

очень редки, и в Латвии процесс третейского суда не всегда используется с честными намерениями.

Контроль суда общей юрисдикции над третейским судом необходим для того, чтобы повысить доверие коммерсантов к третейскому суду. Суду необходимо убедиться в том, что решение третейского суда было вынесено на основании действительного третейского соглашения, а также в том, что третейский суд в ходе принятия решения о собственной юрисдикции не преступил границы своей компетенции.

Принимая заявление о принудительном исполнении решения третейского суда, суд общей юрисдикции должен проверить, приложен ли оригинал третейского соглашения. Несмотря на то, что в Гражданском процессуальном законе не предусмотрено такое основание невыдачи исполнительного листа, как отсутствие оригинала третейского соглашения, этот вопрос необходимо оценивать во взаимосвязи с возражениями стороны в отношении действительности третейского соглашения.

Гражданский процессуальный закон не регулирует то, что происходит с решением третейского суда, если в связи с ним не выдается исполнительный лист. В статье 537 Гражданского процессуального закона перечислены случаи, в которых спор подлежит повторному рассмотрению в суде или третейском суде, если вступило в силу решение об отказе в выдаче исполнительного листа. Однако решение третейского суда не может утратить силу автоматически. Даже в том случае, если в Латвии исполнительный лист не был выдан, заинтересованная сторона может попытаться добиться исполнения решения третейского суда в другом государстве. Таким образом, законодатель должен установить порядок отмены решения третейского суда или признания его недействительным.

Инга Качевска обращает внимание Конституционного суда на то, что в Латвии необходимо полностью ввести Типовой закон от 1985 года о Международном коммерческом арбитраже Комиссии ООН по праву международной торговли (далее – «Типовой закон»). Типовой закон эффективно действует в других странах, разработаны развернутые

комментарии к этому закону, а также доступна объемная судебная практика по применению каждой статьи. Это помогло бы разрешить многие актуальные на данный момент вопросы, связанные с третейскими судами.

В судебном заседании приглашенное лицо дополнительно указало, что скорость процесса третейского суда уже давно не следует расценивать как положительную черту третейских судов. Право лица на справедливый суд важнее скорости процесса третейского суда. Это право также следует оценивать выше принципа процессуальной экономии.

В деятельности третейских судов требуются существенные улучшения, в особенности в том, что касается контроля над деятельностью третейских судов со стороны судов общей юрисдикции. Принятый в Саэиме Закон о третейских судах ситуацию не улучшил.

9. Уполномоченный представитель приглашенного лица – общества с ограниченной ответственностью Resort Management (далее – *Resort Management*) – присяжный адвокат Александрс Казачковс в судебном заседании указал, что Латвийский третейский суд при разрешении спора между Заявителем и *Resort Management* действовал в соответствии с законом. Латвийский третейский суд, используя имевшиеся в его распоряжении доказательства, выяснил, кто из должностных лиц упомянутых коммерсантов имел полномочия по заключению соглашения о рассмотрении дела в третейском суде. То, что Латвийский третейский суд разрешил спор правомерно, подтверждает также суд общей юрисдикции, выдавший исполнительный лист на принудительное исполнение решения Латвийского третейского суда.

Необоснованными также являются утверждения, что судья Латвийского третейского суда при разрешении спора между Заявителем и *Resort Management* находился в ситуации конфликта интересов. Необходимо учитывать то, что Латвия «все же является небольшим государством», и в особенности то, что представители юридической профессии знакомы между

собой. Конфликт интересов не может быть всеобщим, и для его возникновения «необходима прямая связь и прямое влияние со стороны конкретного лица».

Конституционному суду при принятии решения в отношении постановления суда общей юрисдикции о приостановке выдачи исполнительного листа следовало заслушать мнение *Resort Management*. Поскольку Конституционный суд его не заслушал, у коммерсанта в будущем могут возникнуть убытки.

Заявитель своими действиями довел *Resort Management* до неплатежеспособности. По этой причине бюро присяжных адвокатов «А. Казачковс и партнеры» (A. Kazačkovs un partneri) позволило *Resort Management* «кредитоваться в адвокатском бюро» и предоставило *Resort Management* возможность за полученные юридические услуги рассчитаться позднее. Одновременно Александрс Казачковс признал, что в Государственной полиции начат уголовный процесс по возможному факту подделки соглашения от 20 декабря 2011 года.

10. Приглашенное лицо – хабилитированный доктор юридических наук профессор Калвис Торганс – в судебном заседании указал, что принцип компетенции третейского суда, заключенный в оспариваемой норме, признан на международном уровне, и Латвии следует перенять его безоговорочно. В деятельности третейских судов действительно приходится констатировать отдельные проблемы. Например, третейский суд не может допрашивать свидетелей, регламенты третейских судов не контролируются, и участники дела могут отказаться от мотивировочной части решения третейского суда. Следует также констатировать противоречия в интерпретации некоторых правовых норм. Однако ситуация, упомянутая в конституционной жалобе, этих вопросов не касается.

Не должна складываться ситуация, в которой дело попадает в третейский суд несмотря на то, что один из участников дела не давал на это согласия. Однако в рассматриваемом случае Заявитель посредством своего представителя выразил волю к тому, чтобы дело подлежало рассмотрению в

третейском суде. Возможно, есть основания утверждать, что такое волеизъявление является спорным, однако нельзя утверждать, что в рассматриваемом случае никакое волеизъявление не имело места.

При заключении договора у сторон есть два варианта. Во-первых, стороны могут решить, что спор будет рассматриваться судом общей юрисдикции. Этот судопроизводственный процесс довольно продолжителен, и Гражданский процессуальный закон регламентирует его очень подробно. Во-вторых, стороны могут достигнуть соглашения о рассмотрении спора в третейском суде. В таком случае стороны до заключения третейского соглашения обязаны изучить, что значит процесс третейского суда и какие он налагает ограничения. Одно из таких ограничений состоит в том, что лицо лишено права прервать процесс третейского суда и начать «искать суд получше», а также права на обжалование решения третейского суда.

Государство контролирует процесс третейского суда, например, выдвигая требования в отношении образования третейских судей, определяя в регулировании вопросы, которые не могут рассматриваться в третейском суде, охраняя главные судопроизводственные принципы и предусматривая, что правомерность решения третейского суда контролируется на стадии выдачи исполнительного листа.

Стремлением соблюсти принцип процессуальной экономии в судах общей юрисдикции можно оправдать то, что право на справедливый суд ограничивается. В свою очередь, в случае, если конституционная жалоба Заявителя будет удовлетворена, многие станут обращаться с исковыми заявлениями в суды общей юрисдикции и указывать на то, что третейский договор был заключен без волеизъявления. В связи с этим в судах общей юрисдикции возрастет число дел, однако только в некоторых случаях суд признает, что лицо не изъявляло воли к заключению третейского соглашения.

Калвис Торганс признал, что установленные Гражданским процессуальным законом сроки, в которые судья принимает решение о выдаче исполнительного листа, слишком коротки. По этой причине у судьи нет времени на то, чтобы углубляться в заявление, и решение он принимает

«формально, насколько это возможно». Приглашенное лицо также указало, что в статье 536 Гражданского процессуального закона имеется «антиконституционный пробел» в отношении прав сторон на оспаривание решения третейского суда, в исполнении которого нет необходимости.

11. Приглашенное лицо – **присяжный адвокат Янис Лапса** – в судебном заседании указал, что существенные изменения в контроль за деятельностью третейских судов внесло решение Конституционного суда от 17 января 2005 года по делу № 2004-01-01. После вынесения этого решения законодатель принял поправки к статье 536 Гражданского процессуального закона, которыми на судью суда общей юрисдикции была возложена обязанность полностью оценить все обстоятельства, чтобы констатировать, прошел ли процесс третейского суда в соответствии с разделом D Гражданского процессуального закона. После принятия упомянутых поправок судья суда общей юрисдикции имеет широкие права при принятии решения о выдаче или невыдаче исполнительного листа в связи с решением третейского суда.

Рассматриваемое дело возможно разрешить, не касаясь вопроса конституционности оспариваемой нормы. Оспариваемая норма предусматривает лишь то, что третейский суд первым принимает решение о собственной компетенции, но эта норма не лишает суд общей юрисдикции права оценить действительность третейского соглашения. Таким образом, рассматриваемое дело можно было бы разрешить, иначе интерпретировав оспариваемую норму.

Приглашенное лицо признало, что в Верховном суде сложилась стабильная юдикатура в отношении интерпретации и применения оспариваемой нормы. Тем не менее, в отдельных случаях районные (городские) суды, а также окружные суды упомянутую юдикатуру Верховного суда не соблюдают и по собственному усмотрению разрешают вопрос о действительности третейского соглашения. Таким образом, постановления

судов общей юрисдикции в отношении интерпретации и применения оспариваемой нормы различаются.

Исполнение решения третейского суда не ограничивается только процессом выдачи исполнительного листа. Упомянутое исполнение контролируется также в случаях, когда генеральный прокурор подает протест против постановления суда, которым разрешается вопрос о выдаче исполнительного листа, а также в случаях, когда суд общей юрисдикции не соблюдает юдикатуру Верховного суда в отношении применения оспариваемой нормы.

12. Свидетель Гинтс Лиепаскалнс, член правления *Resort Management* в период с 9 февраля 2010 года по 22 мая 2013 года, в судебном заседании сообщил, что знаком со свидетелем Янисом Берзиньшем, так как оба они ранее работали в Министерстве юстиции. 20 декабря 2011 года соглашение было заключено по инициативе Гинтса Лиепаскалнса. Соглашение подготовил сам Гинтс Лиепаскалнс, и оно было подписано в рабочем кабинете Яниса Берзиньша.

Свидетель выбрал Латвийский третейский суд потому, что этот суд был единственным, с которым на тот момент уже сложилась «своего рода практика». Соглашение о рассмотрении спора в третейском суде обычно включается в договоры, которые, по мнению свидетеля, сложны или связаны с существенными вложениями или крупными инвестициями.

После заключения соглашения от 20 декабря 2011 года оригинал этого соглашения хранился в кабинете директора ледовой арены. В период же с 12 по 24 июля 2013 года его, вероятнее всего, уничтожили сотрудники охранной фирмы, с которой имел договоренность Заявитель. Однако, по признанию свидетеля, в акте о передаче документов от 24 июля 2013 года компания *Resort Management* подтвердила, что получила от Заявителя все находившиеся в ледовой арене документы в их полном объеме.

Свидетель также указал, что было изготовлено и нотариально заверено несколько копий соглашения от 20 декабря 2011 года, так как у него имелись опасения насчет исполнения заключенных в договоре обязательств.

13. Свидетель Янис Берзиньш, член правления Заявителя в период с 29 мая 2010 года по 29 декабря 2011 года, в судебном заседании показал, что соглашение от 20 декабря 2011 года было заключено по инициативе Гинтса Лиеспаскалнса. Упомянутое соглашение подготовил Гинтс Лиеспаскалнс, и Янис Берзиньш подписал его в кабинете на своем рабочем месте. После подписания соглашения один экземпляр его оригинала он оставил или своему секретарю, или своему заместителю – Мартиньшу Муйжниексу.

У Заявителя имелся документ, который регламентировал порядок документооборота на упомянутом предприятии, и этот порядок при подписании соглашения от 20 декабря 2011 года был, вероятнее всего, соблюден. Никаких других договоров, которые бы содержали соглашение о рассмотрении дела в третейском суде, свидетель как член правления Заявителя не заключал. В ответ на вопрос суда о том, было ли соглашение от 20 декабря 2011 года перед подписанием завизировано, свидетель указал, что помнит «визы этого документа». Однако свидетель не смог ответить, какие именно лица визировали конкретный документ.

Заключать соглашение о рассмотрении спора в третейском суде – общепринятая практика среди коммерсантов, так как такое соглашение обеспечивает более скорое и эффективное рассмотрение споров хозяйственного характера. Государственное должностное лицо, которое осуществляет действия в отношении государственного имущества или финансовых средств, также имеет право заключить соглашение о рассмотрении спора в третейском суде.

На несколько заданных судом вопросов свидетель не дал четких ответов, так как не смог припомнить многих значимых фактических обстоятельств, связанных с заключением соглашения от 20 декабря 2011 года.

Часть выводов

14. В рассматриваемом деле оспаривается регулирование Гражданского процессуального закона, которое не дает лицу права обратиться в суд общей юрисдикции, чтобы оспорить компетенцию третейского суда по принятию решения о подведомственности ему конкретного гражданско-правового спора в случае, когда лицо не давало согласия на рассмотрение дела в третейском суде.

14.1. Конституционный суд признал, что третейский суд не принадлежит к системе судебной власти, определенной в Конституции и законе «О судебной власти». К третейскому суду также не относится термин «суд», используемый в первом предложении статьи 92 Конституции.

Право лица согласиться на заключение третейского соглашения вытекает из принципа диспозитивности. В случае заключения третейского соглашения свободно изъявленная воля лица выражается в форме правовой сделки, что является соответствующим критерием допустимости добровольного ограничения основных прав. Замещение свободно выраженной воли лица собственной оценкой разумности этого поступка не является задачей ни законодателя, ни Конституционного суда.

Несмотря на то, что государство не несет ответственности за процесс третейского суда, и лицо по собственной свободно выраженной воле может добровольно отказаться от рассмотрения конкретного гражданско-правового спора в суде общей юрисдикции, свобода лица отказаться от гарантированных Конституцией основных прав простирается исключительно настолько, насколько она совместима с основными принципами правовой системы правового и демократического государства.

Первое предложение статьи 92 Конституции предусматривает как обязанность государства создать эффективное правовое регулирование, которое обеспечит возможность устранить существенные процессуальные нарушения, возникшие в процессе третейского суда, так и обязанность государства не признавать результат процесса третейского суда, в котором

такие нарушения были допущены (см. пункты 5, 8 и 9 решения Конституционного суда от 17 января 2005 года по делу № 2004-10-01).

14.2. Кроме того, при выяснении содержания установленных в Конституции основных прав необходимо учитывать международные обязательства Латвии в сфере прав человека (см., например, пункт 8.1 решения Конституционного суда от 20 декабря 2010 года по делу № 2010-44-01). Конституционный суд уже ранее интерпретировал статью 92 Конституции в отношении сферы деятельности третейских судов во взаимосвязи со статьей 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция») (см. пункт 7.1 решения Конституционного суда от 17 января 2005 года по делу № 2004-10-01). Таким образом, содержащиеся в постановлениях Европейского суда по правам человека (далее – «ЕСПЧ») выводы о статье 6 Конвенции в отношении третейского суда следует использовать для выяснения содержания первого предложения статьи 92 Конституции.

В отношении третейских судов ЕСПЧ указал, что статья 6 Конвенции не запрещает создавать третейские суды, призванные разрешать споры коммерческого характера между частными лицами (см. пункт 48 решения ЕСПЧ от 28 октября 2010 года по делу *Suda v. the Czech Republic*, заявление № 1643/06, и пункт 54 решения ЕСПЧ от 3 апреля 2008 года по делу *Regent Company v. Ukraine*, заявление № 773/03). Лицо имеет право отказаться от рассмотрения дела в суде общей юрисдикции, и статья 6 Конвенции допускает такой свободно выраженный отказ (см. решение ЕСПЧ от 23 февраля 1999 года по делу *Suovaniemi and Others v. Finland*, заявление № 31737/96).

ЕСПЧ также признал, что выбор в пользу передачи спора на рассмотрение в третейский суд должен быть свободным, соответствующим закону, а также однозначным. Если рассмотрение спора осуществляется в третейском суде на основании закона, а не по свободной воле сторон, процесс третейского суда должен соответствовать всем требованиям статьи 6 Конвенции (см. пункты 48 и 49 решения ЕСПЧ от 28 октября 2010 года по делу *Suda v. the Czech Republic*, заявление № 1643/06). Таким образом, в

случаях, когда стороны свободно выбирают передачу спора на рассмотрение в третейский суд, презюмируется, что стороны отказываются от соблюдения в процессе третейского суда прав, содержащихся в статье 6 Конвенции.

Государство не несет ответственности за справедливость рассмотрения дел в третейских судах, однако в случаях, когда суд общей юрисдикции контролирует процесс третейского суда, этому суду необходимо удостовериться в том, что судопроизводство в третейском суде было справедливым (см. решение Европейской комиссии по правам человека от 2 декабря 1991 года по делу *Jakob BOSS Söhne KG v. Germany*, заявление № 18479/91).

Контроль над деятельностью третейских судов со стороны государства может проявляться в двух формах: во-первых, государство может установить, что третейский суд должен создаваться и вести свою деятельность в соответствии с требованиями статьи 6 Конвенции; во-вторых, государство может предусмотреть, что деятельность третейских судов должна контролироваться судом, созданным и действующим в соответствии со статьей 6 Конвенции.

Таким образом, из первого предложения статьи 92 Конституции и международных документов, являющихся для Латвии обязательными, вытекает обязанность государства создать правовой механизм оценки того, имел ли место добровольный отказ лица от своего права на справедливый суд.

15. Заявитель в конституционной жалобе указывает, что оспариваемая норма лишает его права обратиться в суд общей юрисдикции и оспорить компетенцию третейского суда. Латвийский третейский суд рассмотрел дело на основании третейского соглашения, в отношении действительности которого имеются обоснованные сомнения, а суды общей юрисдикции на основании оспариваемой нормы отказались оценивать вопрос о компетенции третейского суда.

В письменном ответе Саэймы, в свою очередь, указано, что в оспариваемой норме содержится принцип компетенции третейского суда, который следует считать одним из основных принципов международного права третейских судов. Этот принцип означает, что только и единственно сам третейский суд имеет право решать все вопросы, относящиеся к его компетенции.

В судебном заседании представители участников дела и приглашенные лица указали, что принцип компетенции третейского суда содержится в нескольких источниках международного права (*см., например, стенограмму заседания Конституционного суда от 21 и 29 октября, стр. 10, 41, 70, 86 и 138 тома 5 материалов дела*). Тем не менее, были высказаны различные мнения о содержании принципа компетенции третейского суда.

Представитель Заявителя, представитель Омбудсмана, Инга Качевска и Янис Лапса указали, что этот принцип не лишает суд общей юрисдикции права оценивать компетенцию третейского суда (*см. стенограмму заседания Конституционного суда от 21 и 29 октября 2014 года, стр. 85, 138, 140, 167, 168 и 183 тома 5 материалов дела*). В свою очередь, представитель Саэймы и представитель Министерства юстиции указали, что этот принцип следует понимать таким образом, что лицо не имеет права обращаться в суд общей юрисдикции и просить суд об оценке компетенции третейского суда (*см. стенограмму заседания Конституционного суда от 21 октября 2014 года, стр. 27, 29 и 74 тома 5 материалов дела*).

Принимая во внимание то, что участники дела и приглашенные лица выразили различные мнения о принципе компетенции третейского суда, Конституционному суду в первую очередь необходимо выяснить, каким содержанием наполняется принцип компетенции третейского суда согласно источникам правового регулирования третейских судов.

15.1. Конституционный суд указывает, что судопроизводственный процесс в третейском суде можно признать эффективным способом разрешения возникающих между лицами гражданско-правовых споров. Существование судопроизводственного процесса третейского суда становится

особенно важным в случае, когда необходимо своевременно разрешить споры участников коммерческих правоотношений и таким образом ускорить гражданско-правовой оборот. Таким образом, процесс третейского суда имеет большое значение в латвийской правовой системе, и правовое регулирование этой сферы среди прочего должно опираться как на обязательные для Латвии международные правовые акты, так и на другие обязательные правовые источники – принципы международного права.

15.2. Части вторая и третья статьи 6 обязательной для Латвии Европейской Конвенции о Международном коммерческом третейском суде предусматривают, что суд общей юрисдикции может принимать решение о компетенции третейского суда в том случае, если третейское соглашение не существует, недействительно или утратило силу. В понимании упомянутой конвенции понятие «недействительное третейское соглашение» означает соглашение, которое недействительно уже с момента его составления, например, в случае, когда отсутствует воля сторон к заключению соглашения, или же когда сторона недееспособна (см. *Hascher D.T. European Convention on International Commercial Arbitration of 1961: Commentary. Yearbook Commercial Arbitration, Vol. XXXVI, 2011, стр. 524*).

Упомянутая конвенция также предусматривает, что суд общей юрисдикции принимает решение о действительности третейского соглашения до того, как третейский суд разрешит дело по существу, только в определенных случаях, а именно – если имеются уважительные и существенные причины. Кроме того, даже в таком случае суд общей юрисдикции может провести исключительно первоначальное (*prima facie*) исследование в отношении действительности третейского соглашения. В свою очередь, после того, как третейский суд принял постановление, суд общей юрисдикции имеет право полностью оценить третейское соглашение [см. *Fouchard Gaillard Goldman On International Commercial Arbitration. Gaillard E., Savage J. (Eds.) The Hague: Kluwer Law International, 1999, стр. 408*].

15.3. В обязательной для Латвии Нью-Йоркской Конвенции о признании и приведении в исполнение постановлений иностранных третейских судов принцип компетенции третейского суда не содержится *expressis verbis*. Тем не менее, эта конвенция не исключает право суда общей юрисдикции оценивать компетенцию третейского суда. При оценке компетенции третейского суда, однако, необходимо соблюдать принцип хронологии – третейский суд первым решает вопрос о своей компетенции, за исключением случаев, когда суд общей юрисдикции уже ранее констатировал, что третейское соглашение недействительно, утратило силу или невыполнимо (см. *ICCA's Guide to the Interpretation of the 1958 New York Convention: A Handbook for Judges. The Hague: International Council for Commercial Arbitration, 2011, сmp. 39*).

Третейское соглашение невыполнимо в случаях, когда оно недействительно с самого начала, так как было заключено без волеизъявления сторон, например, без определенного полномочия, по принуждению, в результате обмана или чрезмерного влияния (см. *Berg A. J. van den. New York Convention of 1958: Annotated List of Topics. Yearbook Commercial Arbitration, 2013, сmp. 25*).

15.4. Конституционный суд также признал, что Типовой закон является стандартом нормативного регулирования третейских судов, используемым во всем мире (см. пункт 9.1 решения Конституционного суда от 17 января 2005 года по делу № 2004-10-01). Целью создания Типового закона было составление четких и всеобъемлющих правил, включающих в себя справедливые и современные стандарты международного третейского суда, которые в качестве общих правовых принципов будут применимы в различных правовых и экономических системах, существующих в мире. В аннотации к законопроекту «Закон о третейских судах» также указано, что Типовой закон использовался для усовершенствования нормативного регулирования третейских судов в Латвии (см. аннотацию к поданному 27 декабря 2013 года законопроекту № 1039/Lp11 «Закон о третейских судах»).

В статье 8 Типового закона (с поправками, внесенными в 2006 году) определены случаи, в которых суд общей юрисдикции может не передавать

спор третейскому суду, а именно: если третейское соглашение недействительно, негодно, если его невозможно выполнить, а также если юрисдикция третейского суда вступает в противоречие с общественным порядком или императивными нормами закона. Третейское соглашение недействительно, если оно поддельно, а также если оно было заключено в результате обмана, заблуждения или противозаконных действий (см. *UNCITRAL 2012 Digest of Case Law on the Model Law on International Commercial Arbitration. New York: United Nations, 2012, сmp. 40, 41*).

Признано также, что в соответствии со статьей 8 Типового закона законодатель имеет широкую свободу действий при принятии решения о том, кто будет оценивать действительность третейского соглашения в первую очередь – сам третейский суд или государственный суд. В любом случае, когда действительность третейского соглашения оценивает государственный суд, он в этом вопросе обладает полным правом решения и всегда будет иметь также «право последнего слова». Когда же решение о собственной компетенции первым принимает третейский суд, сторона, не удовлетворенная этим решением третейского суда, может просить государственный суд разрешить этот вопрос окончательно [см. *Brekoulakis S. L., Shore L. United Nations Commission on International Trade Law (UNCITRAL) Model Law on International Commercial Arbitration. In: Mistelis L. A. (Ed.) Concise International Arbitration. Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International, 2010, сmp. 601, 602, 614*].

Из статей 8 и 16 Типового закона можно сделать вывод, что право принимать решение о действительности третейского соглашения имеет не только и единственно третейский суд. Такое право есть и у суда общей юрисдикции.

15.5. Конституционный суд уже неоднократно признавал, что правовое регулирование других государств при разрешении некоторых вопросов в латвийской правовой системе не может применяться напрямую, за исключением указанных в законе случаев. При проведении сравнительного правового анализа всегда необходимо учитывать отличные правовой, социальный, политический, исторический и системный контексты (см.,

например, пункт 24.1 решения Конституционного суда от 8 июня 2007 года по делу № 2007-01-01 и пункт 10.6 решения Конституционного суда от 3 июня 2009 года по делу № 2008-43-0106).

Тем не менее, в случае если после системной оценки правового регулирования конкретных вопросов, действующего в других государствах, можно сделать достаточно однозначный общий вывод о гармонизации национального права или едином стандарте в этом вопросе, результат обобщения правового регулирования или практики различных государств может служить рекомендацией к решению конкретной проблемы или общим правовым принципом. Это относится также к правовому регулированию сферы третейских судов и практике его применения.

В сравнительной доктрине правового регулирования многих других стран в отношении третейских судов указано, что решение третейского суда о существовании третейского соглашения теснейшим образом связано с юрисдикцией третейского суда и подлежит контролю со стороны государственного суда. В случаях, когда оспаривается юрисдикция третейского суда, государственному суду принадлежит последнее слово в разрешении этого вопроса. Иными словами, вопросы о том, существует ли действительное третейское соглашение и имел ли место добровольный отказ от рассмотрения спора в государственном суде, «нельзя оставлять ни в ведении третейских судов, ни в ведении других частных лиц». Законы различных государств о третейских судах преимущественно предусматривают возможность оспорить решение третейского суда о собственной компетенции в случае, когда отсутствует действительное третейское соглашение [см. *Sanders P. Arbitration. In: Cappelletti M. (Ed.) International Encyclopedia of Comparative Law. Vol. XVI: Civil Procedure. Mohr Siebeck, Nijhoff: Tübingen, Leiden, 2014, стр. 63, 126*].

Таким образом, принцип компетенции третейского суда не исключает возможность оценки компетенции третейского суда судом общей юрисдикции.

16. Из письменного ответа Сазймы, а также из указанного представителем Сазймы в судебном заседании вытекает, что оспариваемая норма лишает лицо права обратиться в суд общей юрисдикции с просьбой о разрешении вопроса о компетенции третейского суда.

Такой умысел законодателя подтверждают также постановления судов общей юрисдикции, в которых со ссылкой на оспариваемую норму признается: требование о действительности третейского соглашения не может быть предметом рассмотрения в суде общей юрисдикции, за исключением случаев, когда предусмотрены особые ограничения на заключение третейского соглашения, а именно – в трудовых, потребительских, конкурентных правоотношениях, правовых отношениях аренды жилых помещений и других правоотношениях (см. пункт 5.2 решения Департамента по гражданским делам Верховного суда от 31 января 2014 года по делу № SKC-1627/2014, стр. 118 тома 1 материалов дела).

В случаях, когда суд более низкой инстанции констатирует недействительность третейского соглашения, Верховный суд также указывал, что вопрос о действительности третейского соглашения не может являться предметом рассмотрения в суде общей юрисдикции. Например, Судебная коллегия по гражданским делам Курземского окружного суда решением от 10 июня 2011 года признал заключенное сторонами третейское соглашение недействительным. Курземский окружной суд на основании экспертного заключения и показаний свидетелей пришел к выводу, что третейское соглашение не было подписано лицом, указанным в копии оспариваемого в суде соглашения. Кроме того, суд обратил особое внимание на обстоятельство, что в его распоряжении не имеется оригинала третейского соглашения (см. мотивировочную часть решения Судебной коллегии по гражданским делам Курземского окружного суда от 10 июня 2011 года по делу № C40108906).

В свою очередь, Департамент по гражданским делам Сената Верховного суда решением от 30 января 2013 года отменил упомянутое решение Курземского окружного суда и прекратил судопроизводство по делу. В

постановлении Департамента по гражданским делам Сената Верховного суда признается, что третейский суд самостоятельно решает все вопросы, связанные с подведомственностью дела. Оспаривание третейского соглашения или третейской клаузулы не отнимает у третейского суда этого права. Вопрос о подведомственности спора третейскому суду, а также вопрос о действительности третейского соглашения подлежат разрешению в конкретном процессе третейского суда, а не в суде общей юрисдикции (см. пункты 10.2 и 10.3 решения Департамента по гражданским делам Сената Верховного суда от 30 января 2013 года по делу № SKC – 20/2013).

Конституционный суд признал, что Верховный суд играет существенную роль в интерпретировании и применении правовых норм соответствующим Конституции образом. Именно судам общей юрисдикции лучше всего известны фактические и правовые обстоятельства конкретного дела, свидетельствующие о существовании прав и интересов лица, которые необходимо защищать (см. пункт 12 решения Конституционного суда от 6 июня 2012 года по делу № 2011-21-01).

У Конституционного суда нет оснований ставить под сомнение соображения Верховного суда о том, что оспариваемая норма не дает лицу права обращаться в суд общей юрисдикции с той целью, чтобы оспорить компетенцию третейского суда.

Таким образом, Конституционному суду необходимо оценить, соответствует ли заключенное в оспариваемой норме ограничение основных прав праву на справедливый суд.

17. Конституционный суд признал, что упомянутое в статье 92 Конституции понятие «справедливый суд» включает два аспекта, а именно, «справедливый суд» как независимый орган судебной власти, который рассматривает дело, и «справедливый суд» как надлежащий, соответствующий правовому государству процесс, в котором дело рассматривается. В первом аспекте это понятие следует интерпретировать во взаимосвязи с шестой главой Конституции, во втором – в увязке с принципом правового государства,

вытекающим из статьи 1 Конституции (см. пункт 2 части выводов решения Конституционного суда от 5 марта 2002 года по делу № 2001-10-01).

Оба аспекта – как институциональный, который означает, что суд должен быть справедливым, так и процессуальный, который предусматривает, что каждый имеет право на свободный доступ к суду, – неразрывны: справедливость суда не имела бы значения, если бы не обеспечивалась его доступность, и, напротив, доступ к суду был бы лишним, если бы не обеспечивалась справедливость суда (см. пункт 8 решения Конституционного суда от 14 марта 2006 года по делу № 2005-18-01). Таким образом, возможности суда восстановить справедливость в каждом конкретном случае неразрывно связаны с принятой законодателем совокупностью норм процессуального и материального права, в соответствии с которой разбирается конкретное дело.

Статья 92 Конституции устанавливает существенную основную обязанность правового государства – создать правовой порядок, при помощи которого каждое лицо сможет эффективно защищать свои права (см. пункт 7 решения Конституционного суда от 6 июня 2012 года по делу № 2011-21-01).

Конституция напрямую не предусматривает случаев, в которых право на справедливый суд может быть ограничено, однако это право нельзя считать абсолютным (см. пункт 7.1 решения Конституционного суда от 4 января 2005 года по делу № 2004-16-01). Конституция является единым целым, и содержащиеся в ней нормы следует интерпретировать системно. Допущение, что на конкретные основные права вообще нельзя устанавливать ограничения, противоречило бы как гарантированным Конституцией основным правам других лиц, так и другим нормам Конституции (см. пункт 2 части выводов решения Конституционного суда от 22 октября 2002 года по делу № 2002-04-03).

Право на доступ к суду можно ограничивать, однако при этом необходимо проверить, оправданно ли ограничение, то есть: 1) установлено ли ограничение законом; 2) имеет ли ограничение легитимную цель; 3)

соразмерно ли ограничение (см., например, пункт 1.2 части выводов решения Конституционного суда от 27 июня 2003 года по делу № 2003-04-01).

18. В ходе рассмотрения дела его участники и приглашенные лица выражали различные мнения о том, было ли вытекающее из оспариваемой нормы ограничение основных прав действительно установлено законом.

Представитель Заявителя и представитель Омбудсмана в судебном заседании указали, что ограничение основных прав Заявителя установлено законом (см. стенограмму заседания Конституционного суда от 21 октября 2014 года, стр. 9 и 85 тома 5 материалов дела). В свою очередь, например, приглашенные лица Инга Качевска и Янис Лапса указали, что ограничение основных прав Заявителя вытекает из того, как оспариваемую норму интерпретируют и применяют суды общей юрисдикции. Имеется в виду, что оспариваемую норму можно интерпретировать и применять иным образом, не запрещая суду общей юрисдикции принимать решения о компетенции третейского суда. Кроме того, о такой интерпретации оспариваемой нормы свидетельствуют также отдельные постановления суда общей юрисдикции (см. стенограмму заседания Конституционного суда от 29 октября 2014 года, стр. 140, 167 и 168 тома 5 материалов дела).

Конституционный суд признал, что из статьи 92 Конституции во взаимосвязи со статьей 90 Конституции вытекает обязанность законодателя недвусмысленно предусмотреть в правовых нормах процедуру, которая даст индивидууму четкую и надежную уверенность в его возможности защитить свои основные права (см. пункт 14.4 решения Конституционного суда от 24 октября 2013 года по делу № 2012-23-01).

В отдельных случаях суд общей юрисдикции принимал решение о действительности третейского соглашения, а также признавал третейское соглашение не имеющим силы с момента его заключения. Например, Суд Латгальского предместья города Риги в решении от 23 февраля 2010 года заключил, принимая во внимание возраст и состояние здоровья истицы, что истица не могла осознавать своих действий, их значения, и управлять ими. В

связи с этим суд признал, что заключенное истицей третейское соглашение не имеет силы с момента его заключения. Правомерность решения не проверялась в апелляционном или кассационном порядке (*см. решение Суда Латгальского предместья города Риги от 23 февраля 2010 года по гражданскому делу № С29526804/С21/10 и решение Суда Видземского предместья города Риги от 23 октября 2013 года по делу № 3-12/0280/6*).

С одной стороны, решение Суда Латгальского предместья города Риги может свидетельствовать о том, что суд общей юрисдикции вправе оценивать действительность третейского соглашения, и в случае, если таковое признается недействительным, отказать в выдаче исполнительного листа. Однако, с другой стороны, постановление, вынесенное в рамках упомянутого решения, противоречит интерпретации оспариваемой нормы, предоставленной Верховным судом.

Конституционный суд указывает, что юдикатура Верховного суда в отношении права суда общей юрисдикции оценивать действительность третейского соглашения является однозначной – суд общей юрисдикции такого права не имеет. Такая интерпретация оспариваемой нормы, предоставленная Верховным судом, соответствует также умыслу законодателя, с которым он включил оспариваемую норму в Гражданский процессуальный закон.

Таким образом, заключенное в оспариваемой норме ограничение основных прав установлено законом.

19. В основе каждого ограничения основных прав должны лежать обстоятельства и аргументы, обосновывающие его необходимость, то есть, ограничение должно быть установлено ради обеспечения важных интересов – достижения легитимной цели (*см., например, пункт 9 решения Конституционного суда от 22 декабря 2005 года по делу № 2005-19-01*).

Саэйма считает, что предусмотренное в оспариваемой норме ограничение основных прав в понимании 116 Конституции имеет легитимную цель: уменьшить загруженность судов общей юрисдикции, ограничить

возможности сторон препятствовать процессу третейского суда и обеспечить быстрое разрешение спора между сторонами. Схожим образом в судебном заседании высказался и представитель Заявителя, утверждая, что легитимной целью предусмотренного в оспариваемой норме ограничения основных прав является повышение эффективности судопроизводственного процесса суда общей юрисдикции (*см. стенограмму заседания Конституционного суда от 21 октября 2014 года, стр. 9 и 26 тома 5 материалов дела*).

Конституционный суд признал, что рассмотрение споров в третейском суде уменьшает загруженность судов общей юрисдикции и обеспечивает быстрое и эффективное рассмотрение споров. Среди преимуществ процесса третейского суда – его сравнительно скорейший ход, профессиональная специализация третейских судей, окончательность постановления, возможность договориться о процессе, отличном от процесса суда общей юрисдикции, а также конфиденциальность (*см. пункт 8 решения Конституционного суда от 17 января 2005 года по делу № 2004-10-01*). Снижение загруженности судов и повышение процессуальной экономии может быть легитимной целью ограничения основных прав, следовательно, ограничение было установлено ради выполнения упомянутого в статье 116 Конституции условия – защиты прав других лиц (*см. пункт 12.2 решения Конституционного суда от 7 октября 2010 года по делу № 2010-01-01*).

Таким образом, оспариваемая норма имеет легитимную цель – защита прав других лиц.

20. Конституционный суд заключил, что после констатации легитимной цели ограничения основных прав необходимо оценить соответствие этого ограничения принципу соразмерности и, таким образом, выяснить:

во-первых, подходят ли использованные законодателем средства для достижения легитимной цели, то есть, можно ли посредством оспариваемой нормы достигнуть легитимной цели ограничения;

во-вторых, являются ли такие действия необходимыми, то есть, нельзя ли достигнуть цели другими средствами, в меньшей степени ограничивающими права и законные интересы лица;

в-третьих, являются ли действия законодателя адекватными, то есть, превосходит ли польза, получаемая обществом, ущерб, наносимый правам и законным интересам лица.

Если признается, что установленное в правовой норме ограничение не соответствует по крайней мере одному из этих критериев, ограничение не соответствует и принципу соразмерности и является неправомерным (см., например, пункт 3.1 части выводов решения Конституционного суда от 19 марта 2002 года по делу № 2001-12-01).

20.1. Установленный в оспариваемой норме запрет на обращение в суд общей юрисдикции с целью оспаривания действительности третейского соглашения включен в Гражданский процессуальный закон с намерением не допустить рост загруженности суда общей юрисдикции. Имеется в виду, что суд общей юрисдикции на основании оспариваемой нормы отказывается принять исковое заявление и не оценивает вопросы, относящиеся к компетенции третейского суда.

Таким образом, избранные законодателем средства подходят для достижения легитимной цели.

20.2. Установленное оспариваемой нормой ограничение прав необходимо, если не существует иных средств, которые были бы столь же действенны и в случае выбора которых основные права лиц ограничивались бы в меньшей степени. Оценивая, можно ли достичь легитимной цели иначе, Конституционный суд подчеркивает, что наиболее щадящим средством является не любое иное средство, а лишь средство, при помощи которого можно достигнуть легитимной цели по крайней мере на том же качественном уровне (см. пункт 19 части выводов решения Конституционного суда от 13 мая 2005 года по делу № 2004-18-0106).

Одновременно в компетенцию Конституционного суда входит проверка того, не существует ли альтернативных средств, которые бы в меньшей

степени ограничивали основные права лиц, установленные Конституцией (*см., например, пункт 15 решения Конституционного суда от 15 апреля 2009 года по делу № 2008-36-01*).

20.2.1. Заявитель считает, что существует более щадящее средство, при помощи которого можно было бы достигнуть легитимной цели и которое в меньшей степени ограничивало бы права лица. Имеется в виду альтернативное средство, заключающееся в предоставлении лицу права обращаться в суд общей юрисдикции, чтобы оспорить компетенцию третейского суда по рассмотрению конкретного дела (*см. стр. 9 тома 1 материалов дела*).

Саэйма, в свою очередь, указывает, что упомянутое средство нельзя считать альтернативным средством, так как оно приведет к дополнительной нагрузке судов общей юрисдикции (*см. стр. 140 и 141 тома 1 материалов дела*).

Информация, предоставленная Министерством юстиции, свидетельствует о том, что в Латвии не ведется централизованный статистический учет в отношении дел, рассматриваемых в зарегистрированных в Латвии постоянных третейских судах, и решений, принимаемых этими судами. Суды общей юрисдикции в течение года принимают от 1500 до 2150 заявлений о принудительном исполнении решений третейских судов: 2145 заявлений – в 2011 году, 1895 – в 2012 году и 1519 – в 2013 году (*см. стр. 180 тома 2 материалов дела*). Однако необходимо учитывать, что предоставленные Министерством юстиции данные не охватывают случаи, когда в принудительном исполнении решения третейского суда нет необходимости или решение третейского суда уже исполнено добровольно.

Можно согласиться с приведенным Саэймой и Министерством юстиции аргументом, что в результате предоставления лицу права обращаться в суд общей юрисдикции, чтобы оспорить компетенцию третейского суда, может увеличиться загруженность судов. Однако этот аргумент сам по себе не может служить основанием для отъема основного права лица по существу. Имеется в виду то, что преследуемая законодателем цель – снизить загруженность судов общей юрисдикции и таким образом ускорить другие судопроизводственные

процессы – не должна ставить под угрозу защиту основных прав лица, от которых оно добровольно не отказывалось. В рассматриваемом случае, когда происходит столкновение между необходимостью способствовать скорости судопроизводственного процесса и необходимостью защищать существенные для лица права, именно защите существенных для лица прав должно быть отдано преимущество.

Кроме того, фактические обстоятельства рассматриваемого дела дают основания поставить под сомнение аргумент, что действующее регулирование в отношении контроля над процессом третейского суда не увеличивает загруженность судов общей юрисдикции. Суды общей юрисдикции в трех разных инстанциях в общей сложности приняли уже шесть различных решений в связи с компетенцией и исполнением решения Латвийского третейского суда.

Первоначально Заявитель обратился в Суд Видземского предместья города Риги с целью оспаривания действительности соглашения от 20 декабря 2011 года. Затем, когда районный суд отказал в принятии искового заявления Заявителя, в Рижский окружной суд была подана частная жалоба на упомянутое решение районного суда. Неблагоприятное же для Заявителя решение Рижского окружного суда было обжаловано в Департаменте по гражданским делам Верховного суда, который оставил решение Рижского окружного суда в силе.

На стадии выдачи исполнительного листа Суд Видземского предместья города Риги также первоначально отклонил заявление *Resort Management* о выдаче исполнительного листа. На это решение районного суда компания *Resort Management* подала частную жалобу в Рижский окружной суд, который отменил решение Суда Видземского предместья города Риги. Наконец, Суд Видземского предместья города Риги при повторном рассмотрении заявления *Resort Management* о выдаче исполнительного листа принял решение удовлетворить упомянутое заявление.

Кроме того, в проверку правомерности процесса принудительного исполнения постановления, принятого Латвийским третейским судом, были

вовлечены также Верховный суд и Генеральная прокуратура. На основании протеста старшего прокурора Департамента по защите прав лиц и государства Генеральной прокуратуры 22 сентября 2014 года Департамент по гражданским делам Верховного суда возбудил кассационное судопроизводство, приостановил исполнение решения Суда Видземского предместья города Риги от 3 июня 2014 года и постановил в письменном процессе разрешить дело об отмене этого решения (*см. стр. 166–169, 181 и 182 материалов дела*).

Таким образом, Конституционный суд признает, что увеличением загруженности суда общей юрисдикции нельзя обосновать общий запрет на оспаривание в суде компетенции третейского суда.

20.2.2. В судебном заседании как представитель Саэймы, так и несколько приглашенных лиц указали, что часть первая статьи 536 Гражданского процессуального закона предусматривает право судьи отказать в выдаче исполнительного листа в случае, когда третейский суд при разрешении гражданско-правового спора нарушил собственную компетенцию (юрисдикцию).

Однако представитель Саэймы и приглашенные лица имели различные мнения насчет того, какой конкретно пункт части первой статьи 536 Гражданского процессуального закона предусматривает это право судьи. Представитель Саэймы считала, что это право судьи предусмотрено пунктами 6 и 7 части первой статьи 536 Гражданского процессуального закона. Калвис Торганс упомянул пункт 6 части первой статьи 536 Гражданского процессуального закона. Представитель Министерства юстиции, подчеркнув, что «говорить о том, какое применение закона судом будет правильным» – не в компетенции министерства, указала на пункт 1 части первой статьи 536 Гражданского процессуального закона. В свою очередь, представитель *Resort Management* упомянул пункты 1, 2 и 3 части первой статьи 536 Гражданского процессуального закона (*см. стенограмму заседания Конституционного суда от 21 и 29 октября 2014 года, стр. 44, 72, 128, 151 и 164 тома 5 материалов дела*).

Представитель Заявителя и представитель Омбудсмeна, напротив, указали, что ни один из пунктов части первой статьи 536 Гражданского процессуального закона не предусматривает права судьи отказать в выдаче исполнительного листа в случае, когда третейский суд разобрал конкретное дело на основании недействительного третейского соглашения (*см. стенограмму заседания Конституционного суда от 21 и 29 октября 2014 года, стр. 11, 87, 92, 184 – 187 тома 5 материалов дела*).

Конституционный суд указывает, что мнение участников дела и приглашенных лиц о содержании правовых норм само по себе не является решающим в выяснении правовых последствий соответствующей нормы, так как невозможно полностью разобраться в норме вне практики ее применения и правовой системы, в которой она функционирует (*см., например, пункт 24.5 решения Конституционного суда от 23 ноября 2006 года по делу № 2006-03-0106 и пункт 12.1 решения Конституционного суда от 28 июня 2013 года по делу № 2012-26-03*).

Министерство юстиции предоставило Конституционному суду обобщение практики в отношении применения части первой статьи 536 Гражданского процессуального закона в судах общей юрисдикции в период с 1 января 2013 года по 30 июня 2014 года. В этот период пункты 1–7 части первой статьи 536 Гражданского процессуального закона применялись в качестве основания для отказа в выдаче исполнительного листа в связи с решением третейского суда немногим более 200 раз. В качестве обоснования отказа в выдаче исполнительного листа чаще всего указываются следующие обстоятельства: третейский суд рассмотрел спор, касающийся лица, в отношении которого был возбужден процесс неплатежеспособности или правовой защиты; третейскую клаузулу в соответствии с Законом о защите прав потребителей надлежит признать несправедливым условием договора; решение третейского суда не является мотивированным; решением третейского суда взысканы проценты за просрочку за период до исполнения решения; сторона не была надлежащим образом уведомлена о процессе третейского суда или по другим причинам не могла предоставить свои

пояснения, что существенно повлияло на процесс третейского суда (*см. стр. 65 – 68 тома 3 материалов дела*).

Из упомянутого обобщения практики вытекает, что судья суда общей юрисдикции отказывает в выдаче исполнительного листа в случаях, когда третейский суд нарушил ограничение своей компетенции, сформулированное в законах *expressis verbis*. Законодатель предусмотрел такие случаи, например, в пунктах 1 – 8 части первой статьи 487 Гражданского процессуального закона и пункте 7 части третьей статьи 6 Закона о защите прав потребителей.

Однако из подготовленного Министерством юстиции обобщения практики не вытекает то, что судья суда общей юрисдикции, принимая решение о выдаче исполнительного листа, обязан оценивать компетенцию третейского суда и в других случаях, к которым не относится ограничение компетенции третейского суда, сформулированное в законах *expressis verbis*. Конкретных примеров такой судебной практики в ходе рассмотрения дела не смогла упомянуть и представитель Сазьмы (*см. стенограмму заседания Конституционного суда от 21 октября 2014 года, стр. 45 тома 5 материалов дела*).

Таким образом, практика применения статьи 536 Гражданского процессуального закона не свидетельствует о том, что эта норма возлагает на судью обязанность в любом случае оценить компетенцию третейского суда и, если ее границы нарушены, отказать в выдаче исполнительного листа.

20.2.3. Представитель Сазьмы в судебном заседании указала, что Гражданский процессуальный закон предоставляет участникам дела право указать на возможные нарушения процесса третейского суда, в том числе на юридические нарушения, допущенные в процессе принудительного исполнения решения третейского суда (*см. стенограмму заседания Конституционного суда от 21 октября 2014 года, стр. 29 тома 5 материалов дела*).

В свою очередь, представитель Заявителя подчеркнул, что суд общей юрисдикции, принимая решение о выдаче исполнительного листа в связи с

решением третейского суда, не обеспечивает эффективную защиту основных прав лиц, так как в этом процессе возможности участников дела представлять доказательства ограничены, процесс проходит без присутствия участников дела, и на подачу письменных пояснений закон отводит срок не более 15 дней (см. стенограмму заседания Конституционного суда от 21 октября 2014 года, стр. 11 и 17 тома 5 материалов дела).

Часть первая статьи 534¹ Гражданского процессуального закона предусматривает: по получении судом заявления о выдаче исполнительного листа заявление незамедлительно направляется остальным участникам дела в виде заказного почтового отправления, в котором определен срок подачи письменных объяснений, который не должен быть короче 10 дней и продолжительнее 15 дней со дня, когда участникам было направлено заявление. В свою очередь, пункты 3 и 4 части второй этой статьи предусматривают, что в объяснении участник дела должен указать доказательства, подтверждающие его возражения и их обоснованность, а также закон, на котором они основаны, и прошения о принятии или истребовании доказательств.

Министерство юстиции в связи с упомянутыми нормами указывает следующее: если кто-либо из участников дела оспаривает правомерность решения третейского суда, суд общей юрисдикции имеет право запросить у органа третейского суда материалы дела, необходимые для проверки наличия обстоятельств, указанных в объяснении, а также истребовать оригинал третейского соглашения для направления его на экспертизу (см. стр. 179 тома 2 материалов дела).

В то же время можно согласиться с Заявителем в том, что часть D Гражданского процессуального закона не предусматривает обязанности суда общей юрисдикции всегда оценивать компетенцию третейского суда и случае сомнений, например, запрашивать оригинал третейского соглашения или же назначать его экспертизу. В пояснениях к заявлению *Resort Management* о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения Латвийского третейского суда и в дополнениях к этим пояснениям Заявитель

неоднократно обращал внимание суда на возможную недействительность третейского соглашения (см. стр. 170 – 184 тома 1 материалов дела). Однако суд, решая вопрос о принудительном исполнении решения Латвийского третейского суда, лишь констатировал, что соглашение о рассмотрении спора в Латвийском суде пребывает в силе (см. решение Суда Видземского предместья города Риги от 3 июня 2014 года по делу № 3-12/0080/12, стр. 28 тома 2 материалов дела).

Министерство юстиции также указало, что в случае, если в следственном учреждении начат уголовный процесс, например, в отношении возможной подделки третейского соглашения, «разрешение вопроса о выдаче исполнительного листа [...] должно быть приостановлено до момента вступления в силу окончательного постановления по уголовному процессу» (см. стр. 179 тома 2 материалов дела). Такая интерпретация норм Гражданского процессуального закона содержится, например, в решении Суда Латгальского предместья города Риги от 20 мая 2014 года. В нем признается, что в выдаче исполнительного листа надлежит отказать, и суд учитывает возражения ответчика, заключающиеся в том, что ответчик не подписывал договор о займе и обратился в полицию с заявлением о начале уголовного процесса в связи с подделкой подписи (см. решение Суда Латгальского предместья города Риги от 20 мая 2014 года по делу № 3-12/0067).

При разрешении же вопроса о принудительном исполнении решения Латвийского третейского суда суд указал, что вне зависимости от начатого Государственной полицией уголовного процесса о подделке соглашения от 20 декабря 2011 года отсутствуют правовые основания ставить под сомнение действительность этого соглашения. Несмотря на наличие такого обстоятельства, суд удовлетворил заявление *Resort Management* о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения Латвийского третейского суда (см. решение Суда Видземского предместья города Риги от 3 июня 2014 года по делу № 3-12/0080/12, стр. 28 тома 2 материалов дела).

Из упомянутого следует вывод, что судебная практика по вопросу о выдаче исполнительного листа в случае, когда начат уголовный процесс в

отношении возможной подделки третейского соглашения, является противоречивой.

Конституционный суд повторно подчеркивает, что единообразная судебная практика имеет большое значение с точки зрения права на справедливый суд. Обязанность суда разрешать схожие дела схожим образом, а различные дела – по-разному основана на принципе равенства. Государство нарушает право лица на справедливый суд, если нет средств, которые бы обеспечивали единообразие судебной практики (*см. пункт 15.3 решения Конституционного суда от 7 октября 2010 года по делу № 2010-01-01*).

20.2.4. Конституционный суд указывает, что первое предложение статьи 92 Конституции предусматривает субъективное право лица на обращение в суд для защиты своих ущемленных прав. Если лицо не давало согласия на рассмотрение дела в третейском суде, процесс третейского суда и его потенциальный исход несомненно могут существенно ущемить права этого лица. В таких случаях лицо должно иметь право обратиться в суд для защиты своих ущемленных прав напрямую, непосредственно, независимо от воли или действий других лиц.

Часть вторая статьи 533 Гражданского процессуального закона предусматривает, что сторона, заинтересованная в принудительном исполнении решения постоянного третейского суда, имеет право обратиться в районный (городской) суд с заявлением о выдаче исполнительного листа. В свою очередь, лицу, на которое решением третейского суда возложена подлежащая исполнению обязанность, закон в связи с процессом третейского суда не предоставляет никаких прав на обращение в суд. Это лицо может лишь изложить свои пояснения в отношении уже поданного заявления о выдаче исполнительного листа. Таким образом, право этого лица на защиту суда, например, в случае, если в судопроизводственном процессе в третейском суде было допущено существенное процессуальное нарушение, зависит от того, решит ли заинтересованная сторона обратиться в суд с заявлением о принудительном исполнении решения третейского суда, и если решит, то когда именно.

Кроме того, в ситуациях, когда в исполнении решения третейского суда нет необходимости, лицо, на которое таким решением возложена какая-либо обязанность или которое этим решением было лишено какого-либо права, не имеет вообще никакой возможности просить суд общей юрисдикции об устранении нарушений, допущенных в судопроизводственном процессе в третейском суде. Однако такие решения третейского суда могут иметь существенное влияние на права лица. Решение Латвийского третейского суда, которым с Заявителя в пользу *Resort Management* взыскивается более полумиллиона латов, также среди прочего обосновано резолютивной частью другого ранее принятого решения Латвийского третейского суда, в исполнении которого не было необходимости (*см. стр. 93 тома 1 материалов дела*).

20.2.5. Оценивая аргумент Заявителя, что процесс выдачи исполнительного листа в связи с решением третейского суда происходит без присутствия участников дела, необходимо учитывать, что право лица быть заслушанным в судебном процессе является одной из важнейших процессуальных гарантий, вытекающих из первого предложения статьи 92 Конституции. Конституционный суд указывает, что эти гарантии включают, например, право на получение полной информации о мнении, изложенном противоположной стороной, собранных доказательствах и фактах, а также право на аргументированное судебное постановление. Суд должен обеспечивать лицу право быть заслушанным по крайней мере в письменном виде (*см. пункт 6.1 части выводов решения Конституционного суда от 27 июня 2003 года по делу № 2003-03-01*).

Однако первое предложение статьи 92 Конституции не предусматривает абсолютного основного права лица на устный судопроизводственный процесс, и организация такого процесса во всех случаях создавало бы для суда ненужную нагрузку. Устный процесс следует назначать исключительно в случаях, когда в суде необходимо рассмотреть юридически или технически сложные вопросы. ЕСПЧ также признал, что статья 6 Конвенции не предусматривает абсолютного права лица на устный процесс, и таковой должен происходить исключительно в случаях, когда в деле рассматриваются

особые вопросы (см., например, пункт 37 решения ЕСПЧ от 12 ноября 2002 года по делу *Döry v. Sweden*, заявление № 28394/95, и пункт 41 решения ЕСПЧ от 23 ноября 2006 года по делу *Jussila v. Finland*, заявление № 73053/01).

В отдельных случаях, например, если дело касается сложных юридических вопросов, участникам дела следовало бы предоставить право просить о том, чтобы суд заслушал также их устные показания. То, что Гражданский процессуальный закон в процессе выдачи исполнительного листа в связи с решением третейского суда не предусматривает право участников дела на то, чтобы суд заслушал их устные показания, может затруднить возможность лица возразить против принудительного исполнения решения третейского суда.

Несколько приглашенных лиц обратило внимание суда на то, что и срок подачи письменного объяснения, установленный в части первой статьи 534¹ Гражданского процессуального закона, и установленный частью первой статьи 535 этого же закона срок, в который судья принимает решение о выдаче исполнительного листа, являются слишком краткими, что ставит под угрозу эффективность контроля над решением третейского суда. Например, Инга Качевска указала, что срок, в который надлежит подать письменное объяснение в связи с заявлением о выдаче исполнительного листа, является чрезмерно коротким в случае, когда domicilio участника дела находится за границей (см. стр. 62 тома 3 материалов дела). В свою очередь, Калвис Торганс признал, что установленный Гражданским процессуальным законом срок не позволяет судье углубиться в заявление, и он принимает решение о выдаче или отказе в выдаче исполнительного листа «формально, насколько это возможно» (см. стенограмму заседания Конституционного суда от 29 октября 2014 года, стр. 165 тома 5 материалов дела).

Конституционный суд присоединяется к мнению приглашенных лиц и указывает, что упомянутые сроки, установленные в Гражданском процессуальном законе, слишком коротки.

Таким образом, регулирование процесса принудительного исполнения решения третейского суда, содержащееся в Гражданском

процессуальном законе, не приспособлено для того, чтобы в каждом случае могла быть оценена компетенция третейского суда.

20.2.6. В судебном заседании представитель Сазймы и несколько приглашенных лиц указали, что Заявитель мог защитить свои права на справедливый суд не в суде общей юрисдикции, оспорив компетенцию третейского суда, а иным способом. Например, Заявитель имел право подать в третейский суд встречный иск; обратиться с требованием о возмещении ущерба против члена правления, подписавшего соответствующее соглашение о рассмотрении дела в третейском суде; оспорить право члена правления заключать соглашение о рассмотрении дела в третейском суде; обратиться в полицию или прокуратуру с просьбой начать уголовный процесс по факту подделки документа; обратиться к генеральному прокурору с просьбой о подаче протеста против решения судьи, которым удовлетворено прошение о выдаче исполнительного листа; зафиксировать процессуальные нарушения, допущенные в судопроизводственном процессе в третейском суде, и указать на них в процессе выдачи исполнительного листа (*см., например, стенограмму заседания Конституционного суда от 21 и 29 октября 2014 года, стр. 37, 157, 192 и 193 тома 5 материалов дела*).

Конституционный суд признает, что все упомянутые возможности не направлены напрямую на оспаривание компетенции третейского суда. Таким образом, эти решения не являются альтернативными средствами, в меньшей степени ограничивающими основные права лиц.

20.2.7. Сазйма и Министерство юстиции считают, что предоставление лицу права оспорить в суде общей юрисдикции компетенцию третейского суда означало бы необоснованную задержку процесса третейского суда.

Конституционный суд указывает, что предъявление через суд общей юрисдикции иска о признании третейского соглашения недействительным не влияет на процесс третейского суда – уже начатый процесс третейского суда может продолжаться, а в случае, если таковой не был начат, он может быть начат параллельно процессу суда общей юрисдикции.

Часть первая статьи 8 Типового закона также предусматривает, что суд, в котором начат процесс о споре, подведомственном третейскому суду, должен указать сторонам обратиться в третейский суд, за исключением случаев, когда суд общей юрисдикции решает, что третейской соглашение недействительно или не подлежит выполнению. Часть вторая статьи 8 Типового закона, в свою очередь, предусматривает, что в случае, если такой процесс протекает в государственном суде, третейский процесс может быть начат или продолжен, а также что решение третейского суда может выноситься параллельно процессу, проходящему в государственном суде.

Регулирование, содержащееся в части второй статьи 8 Типового закона, может увеличить число случаев, когда третейский суд и суд общей юрисдикции принимают взаимно противоречащие постановления. Тем не менее, такое регулирование является оправданным, так как оно уменьшает как возможности участников дела затянуть процесс третейского суда, так и мотивацию участников третейского процесса к обращению в государственный суд в связи с вопросами, которые, согласно третейскому соглашению, подлежат рассмотрению в третейском суде (*см. Brekoulakis S. L., Shore L., стр. 604*).

Таким образом, легитимной цели ограничения основных прав, заключенного в оспариваемой норме, можно достигнуть иными средствами, в меньшей степени ограничивающими права и законные интересы лица.

21. Согласно пункту 11 статьи 31 Закона о Конституционном суде, суд должен определить момент, в который оспоренная норма (акт) утрачивает силу.

Законодатель частью третьей статьи 32 Закона о Конституционном суде наделил Конституционный суд широкой свободой действий при принятии решения о том, в какой момент утрачивает силу оспоренная норма, признанная не соответствующей норме высшей юридической силы. Для того чтобы признать оспоренную норму недействительной не со дня опубликования

решения, а с другого момента, Конституционный суд должен обосновать свое мнение.

Конституционный суд уже признавал, что при принятии решения о моменте, в который оспариваемая норма (акт) утрачивает силу, необходимо учитывать, что задача суда – по возможности устранить ущемление основных прав заявителей (*см. пункт 25 решения Конституционного суда от 16 декабря 2005 года по делу № 2005-12-0103*).

В рассматриваемом случае оспоренную норму по отношению к Заявителю применил суд общей юрисдикции. Последствием применения оспоренной нормы стала выдача исполнительного листа на принудительное исполнение решения Латвийского третейского суда, а также начатые судебным исполнителем действия по исполнению упомянутого решения.

Таким образом, чтобы устранить вызванные оспоренной нормой неблагоприятные последствия, оспоренная норма в отношении Заявителя подлежит признанию недействительной с момента возникновения ущемления основных прав Заявителя.

22. Как следует из материалов рассматриваемого дела, Заявитель являлся ответчиком по двум судопроизводственным процессам в Латвийском третейском суде. По первому из них Латвийский третейский суд вынес решение, в котором среди прочего признал, что два пункта договора, заключенного между Заявителем и *Resort Management*, недействительны (*см. стр. 36 – 49 тома 1 материалов дела*).

Представители Заявителя в судебном заседании указали, что в исполнении упомянутого решения третейского суда нет необходимости. По этой причине не предусмотрено никакого судебного контроля в отношении этого решения третейского суда. Представитель Министерства юстиции и Калвис Торганс также такую ситуацию оценили как «возможный пробел в законе» или как «антиконституционный пробел [в законе]» (*см., например, стенограмму заседания Конституционного суда от 21 и 29 октября 2014 года, стр. 83 и 151 тома 5 материалов дела*).

Уже в решении от 17 января 2005 года по делу № 2004-10-01 Конституционный суд указал, что в Гражданском процессуальном законе отсутствуют нормы, которые бы определяли процедуру оспаривания решения третейского суда, даже в том случае, если не требуется выдача исполнительного листа (*см. пункт 10 решения Конституционного суда от 17 января 2005 года по делу № 2004-10-01*).

Упомянутое регулирование не содержится ни в Гражданском процессуальном законе, ни в Законе о третейских судах.

В отдельных случаях нет необходимости ради исполнения решения третейского суда обращаться в суд общей юрисдикции и просить о выдаче исполнительного листа, и могут также возникать ситуации, когда решение третейского суда подлежит признанию или исполнению в каком-либо иностранном государстве. В Гражданском процессуальном законе также не предусмотрено, что происходит с решением третейского суда в том случае, если суд общей юрисдикции отказывает в выдаче исполнительного листа на его принудительное исполнение. В таком случае у лица нет никаких правовых средств защиты от, возможно, неправомерного решения третейского суда, это решение по сути остается в силе, и участник дела может пытаться повторно добиться его исполнения – например, в другом государстве.

Учитывая, среди прочих, также указанные приглашенными лицами проблемы, констатированные в деятельности третейских судов, и недостатки регулирования в отношении выдачи исполнительного листа, можно сделать вывод, что признанный на международном уровне институт оспаривания решения третейского суда в Латвии имел бы особенно большое значение. Поэтому Конституционный суд повторно обращает внимание Сазймы на необходимость предусмотреть основания и порядок оспаривания решения третейского суда.

23. В судебном заседании как участники дела, так и приглашенные лица неоднократно указывали на то, что 11 сентября 2014 года Сазйма приняла Закон о третейских судах, в котором предусмотрено, что этот закон вступит в

силу 1 января 2015 года. Часть первая статьи 24 этого закона предусматривает: «Состав третейского суда принимает решение о подведомственности гражданско-правового спора третейскому суду, в том числе о действительности третейского соглашения. Вопрос о подведомственности спора состав третейского суда может разрешить на любой стадии процесса третейского суда».

В свою очередь, в соответствии со статьей 9 закона от 11 сентября 2014 года «Поправки к Гражданскому процессуальному закону» из Гражданского процессуального закона исключаются главы 61, 62, 63, 64 и 65, то есть, в том числе и глава, в которой содержится оспоренная норма. Согласно статье 19 закона от 11 сентября 2014 года «Поправки к Гражданскому процессуальному закону», главы 61, 62, 63, 64 и 65 Гражданского процессуального закона утратят силу 1 января 2015 года.

Таким образом, законодатель предусмотрел, что 1 января 2015 года оспоренную норму заместит другая правовая норма, включенная в Закон о третейских судах, которая будет иметь те же правовые последствия, что и оспоренная норма.

В Конституционном суде не оспаривается часть первая статьи 24 Закона о третейских судах. В связи с этим Конституционному суду нужно оценить, необходимо ли и допустимо ли расширить границы требования в рассматриваемом деле и оценить также вопрос соответствия части первой статьи 24 Закона о третейских судах первому предложению статьи 92 Конституции.

Конституционный суд неоднократно приходил к выводу, что при соблюдении определенных критериев, в первую очередь «концепции тесной связи», в определенных случаях может осуществляться расширение границ требования по уже возбужденным делам. Для того чтобы заключить, возможно ли и необходимо ли расширить границы требования в каком-либо конкретном случае, необходимо выяснить, во-первых, является ли норма, в отношении которой расширяется требование, настолько тесно связанной с нормой, *expressis verbis* оспариваемой в деле, что ее оценка возможна в рамках того же

обоснования или необходима для разрешения конкретного дела, и, во-вторых, является ли расширение границ требования необходимым для соблюдения принципов процесса Конституционного суда (*см., например, пункт 17 решения Конституционного суда от 3 апреля 2008 года по делу № 2007-23-01 и пункт 15 решения Конституционного суда от 20 октября 2011 года по делу № 2010-72-01*).

Соответствие части первой статьи 24 Закона о третейских судах тесно связано с требованием о соответствии оспариваемой нормы положениям Конституции, так как эта норма, вступив в силу, создаст для лиц те же не соответствующие Конституции правовые последствия, что оспариваемая норма. Таким образом, с точки зрения экономии процесса Конституционного суда было бы целесообразно расширить требование по рассматриваемому делу. Кроме того, принцип правового государства требует того, чтобы Конституционный суд в соответствии со своей компетенцией обеспечил существование правовой системы, позволяющей настолько полно, насколько это возможно, устранить правовое регулирование, не соответствующее Конституции или другим правовым нормам высшей юридической силы.

Представитель Саэймы в судебном заседании указала, что в части первой статьи 24 Закона о третейских судах по сути сохранено правовое регулирование, идентичное оспариваемой норме (*см. стенограмму заседания Конституционного суда от 21 октября 2014 года, стр. 28 материалов дела*). Из мнения, предоставленного Министерством юстиции, также следует вывод, что в Закон о третейских судах включено то же регулирование, что в оспариваемую норму, и это регулирование предусматривает право третейского суда принимать решение о подведомственности спора третейскому суду, в том числе о действительности третейского соглашения (*см. стр. 182 тома 2 материалов дела и стенограмму заседания Конституционного суда от 21 октября 2014 года, стр. 70 тома 5 материалов дела*).

Упомянутая норма и оспоренная норма приняты исходя из одного и того же понимания законодателем собственной свободы действий в сфере контроля за деятельностью третейских судов, и содержащиеся в настоящем

решении выводы в отношении оспоренной нормы относятся также к части первой статьи 24 Закона о третейских судах. Следовательно, признание обеих норм не соответствующими первому предложению статьи 92 Конституции допустимо в рамках того же обоснования.

Таким образом, Конституционный суд признает, что часть первая статьи 24 Закона о третейских судах, в той мере, в какой она лишает лицо права оспорить в суде общей юрисдикции компетенцию третейского суда, не соответствует первому предложению статьи 92 Конституции.

Постановляющая часть

На основании статей 30–32 Закона о Конституционном суде
Конституционный суд

п о с т а н о в и л:

1. Признать часть первую статьи 495 Гражданского процессуального закона в той мере, в какой она не позволяет в суде общей юрисдикции оспорить компетенцию третейского суда, не соответствующей статье 92 Конституции Латвийской Республики.

2. В отношении подателя конституционной жалобы – SIA HIPOTĒKU BANKAS NEKUSTAMĀ ĪPAŠUMA AĢENTŪRA (в настоящий момент – SIA Hipotēka) – признать часть первую статьи 495 Гражданского процессуального закона в той мере, в какой она не позволяет в суде общей юрисдикции оспорить компетенцию третейского суда, не соответствующей статье 92 Конституции Латвийской Республики и недействительной с момента возникновения ущемления основных прав подателя конституционной жалобы.

3. Признать часть первую статьи 24 Закона о третейских судах в той мере, в какой она не позволяет в суде общей юрисдикции оспорить компетенцию третейского суда, не соответствующей статье 92 Конституции Латвийской Республики.

Решение окончательно и обжалованию не подлежит.

Решение провозглашено в Риге 28 ноября 2014 года.

Решение вступает в силу в день его провозглашения.

Председатель судебного заседания

А. Лавиньш